

СЕРИЯ «СШИВАТЕЛЬ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

СШИВАТЕЛЬ

РАЗЛОМ НУЛЕВОГО РАНГА

РЕАЛРПГ • КРАФТ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

**Сшиватель: Разлом
Нулевого Ранга**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Сшиватель: Разлом Нулевого Ранга / Н. Патчер — «Автор», 2026

Когда над мегаполисом лопнула ткань трехмерного пространства, мир разделился на хищных тварей из Бездны и кланы охотников, наживающихся на добыче кристаллов эфира. Никто не собирался закрывать разломы, ведь разруха приносила миллиарды. Все изменилось на высоте трехсот метров, когда аномалия распоролла стальную балку вантового моста. Бригадир высотных монтажников Илья Платов привык полагаться на точный расчет, сопромат и сварочную горелку. Столкнувшись со смертельной опасностью, он пробуждает скрытый класс Пространственного Сшивателя. Теперь он видит разрывы реальности как кромки металла, готовые к соединению. Зажигая плазменный факел, Илья накладывает первые швы на трещины мироздания и запечатывает прорывы намертво. Но когда твоя работа лишает сверхприбылей циничные корпорации, охоту объявляют уже на тебя. Начинается битва за спасение города! Читайте боевое ЛитРПГ прямо сейчас!

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Нейтон Патчер

Сшиватель: Разлом Нулевого Ранга

НЕЙТОН ПАТЧЕР

СПШИВАТЕЛЬ:

РАЗЛОМ НУЛЕВОГО РАНГА

Серия «Сшиватель» • Книга 1

ГЛАВА 01. ШОВ НА ВЫСОТЕ ТРЕХСОТ МЕТРОВ

Ветер на трехстах метрах над уровнем залива не просто дул — он обладал плотностью сырого схватившегося бетона и неумолимой кинетикой тяжелого товарного состава. Он налетал с открытого морского рейда рваными, злыми толчками, был в ажурных переплетениях трубчатых лесов и заставлял колоссальные стальные канаты вантового моста петь на низкой, утробной ноте. От этой басовой непрерывной вибрации в черепе ныли зубы, а подошвы тяжелых монтажных ботинок отчетливо осязали, как многотонный пилон совершает свой медленный, расчетный такт колебаний — с амплитудой в двадцать четыре миллиметра от вертикальной оси.

Илья Платов давно свыкся с этой суровой музыкой высоты. Для высотника шестого разряда и бригадира специализированного монтажно-сварочного звена мост никогда не являлся безжизненным нагромождением легированного проката, бетона и анкерных тяг. Мост жил своей сложной, циклической жизнью. Он глубоко дышал при суточных перепадах температур, содрогался от внезапных шквалов, перераспределял тысячи тонн внутреннего напряжения по шарнирным узлам и сжимался в ясные морозные ночи, напоминая заснувшего над черной водой стального левиафана.

Внизу, далеко под решетчатым оцинкованным настилом технологической площадки, лежал Северный Хаб.

Хищный, разросшийся за последнее десятилетие индустриальный гигант мерцал ядовитым неоном рекламных таблоидов, холодными цепочками натриевых магистралей и тяжелыми башнями корпоративных цитаделей, упирающихся плоскими шпилями в низкие свинцовые тучи. Там, на нижних горизонтах мегаполиса, жизнь текла по законам вечной суеты: гудели скоростные монорельсовые ветки, были полицейские перехватчики, а тяжелый смог заводских производств оседал в сырых бетонных трущобах прибрежного сектора. Простым жителям нижних ярусов не было никакого дела до моста «Северный Коронар», призванного соединить промышленные портовые кластеры с закрытым правительственным полуостровом.

Но здесь, на верхнем монтажном оголовке западного пилона, всего этого шума не существовало. Здесь безраздельно властвовали только три величины: полярный мороз, стлкая легированная сталь и ослепительно яркая, подчиненная руке мастера сварочная дуга.

— Платов, твою дивизию, ты там заснул над этим стыком, что ли?! — прохрипел встроенный в подшлемник динамик рации. Сквозь треск помех и свист шторма пробивался простуженный, злой бас Кости Короткова. — У меня в люльке термос треснул от холода! Кофе превратился в ледяной сургуч! Пальцев на левой руке не чувствую даже через двойной термофлис! Если мы прямо сейчас не сдадим этот ригель и не спустимся в клеть, я лично приварю твой комбинезон к закладной плите и нажму аварийный спуск!

Илья даже не повел бровью под защитным стеклом маски. Его взгляд сквозь автоматический светофильтр «Хамелеон» был намертво зафиксирован на узком, сияющем раскаленным металлом пространстве между двумя соединяемыми кромками ригеля. Сталь марки 10ХСНД — кремнемарганцевая с добавлением меди, исключительно прочная, но капризная к локальному перегреву и склонная к возникновению холодных трещин при нарушении термического режима. Толщина полок балки — сорок пять миллиметров. Разделка кромок V-образная, угол раскрытия шестьдесят градусов, зазор в стыке — ровно три с половиной миллиметра.

— Не гунди в эфире, Костя, — спокойно ответил Илья. Его связки давно привыкли выдавать ровные фразы даже в те секунды, когда монтажная люлька раскачивалась над черной трехсотметровой пустотой. — Температура воздуха — минус четырнадцать. Влажность — восемьдесят семь процентов. Если мы дадим сварочной ванне остыть быстрее, чем заложено в карте проекта, в околошовной зоне выпадет игольчатый мартенсит. Пойдут микротрещины под знакопеременной ветровой нагрузкой. Через три недели сюда поднимется лаборатория технадзора, просветит стык гамма-излучением — и за чей счет будут вырезать плазмой и заново варить сорок метров ригеля? За наш с тобой зарплатный фонд.

— Да плевать корпоративным крысам на твой мартенсит! — огрызнулся Коротков, однако сухой щелчок кованого карабина подтвердил, что монтажник все-таки проверил второй страховочный ус. — Заказчик требует замкнуть контур пилона строго до конца сегодняшней смены. Завтра ровно в девять ноль-ноль сюда прилетает инспекция из «Эфир-Тек» на своих лощеных флаерах. Если контур не замкнут, начальник мостоотряда не просто лишит нас премии, он на нас всех собак повесит!

— Технадзор из конторы может закрыть глаза на брак, если начальник участка сунет конверт, — холодно отрезал Платов, плавно ведя сопло горелки полуавтомата вдоль стыка. — А физика твердого тела взяток не берет. Металл обмануть невозможно, Костя. Ему плевать на флаеры, министерские отчеты и акции «Эфир-Тек». Если в корне шва останется шлаковый карман или непровар, этот мост через пару сезонов просто лопнет по живому металлу. И рухнет в пролив вместе со всеми чванливыми корпоратами. Поэтому сиди в люльке смирно, грей варежки о выхлоп дизельного подогревателя и не дергай кабель. Мне осталось пройти последний облицовочный валик.

Голубовато-белая точка плазменной дуги яростно шипела, выжигая примеси и сплавляя присадочную проволоку с массивным телом стального проката. Огненные брызги и веера золотистых искр непрерывно срывались с наконечника горелки, но тут же безжалостно подхватывались свирепым боковым шквалом и уносились в бездонный черный провал ночи, растворяясь задолго до того, как успевали пролететь первые пятьдесят метров.

Илья Платов физически ощущал горячее дыхание металла сквозь толстую кожу защитных краг. Он вдыхал терпкий запах ионизированного озона, тлеющего флюса и испаряющегося железа.

В свои двадцать восемь лет он обладал тем редчайшим даром, который старые мастера на судовой верфи и мостовых заводах уважительно величали «чутьем стали». Илья окончил строительный университет с отличием, чертил сложнейшие эпюры изгибающих моментов и наизусть помнил все критические точки фазовой диаграммы железо-углерод. Но сухая теория в его руках всегда органично сплавлялась с безупречной моторикой.

Он слышал малейшие изменения в голосе сварочной дуги так же отчетливо, как музыкант улавливает фальшивую ноту в оркестре. Если дуга начинала захлебываться и глухо урчать — падало напряжение питающего трансформатора; если звук становился чересчур сухим и свистящим — возникал опасный избыток защитного углекислого газа; если расплав начинал плевать мелкими пористыми шариками — на холодной стали осталась пленка конденсата.

На строительных горизонтах Северного Хаба среди прорабов ходила истина: «Если высотный узел проварил Платов, скорее расколется материковая плита, чем сдастся его соединение».

Илья вел горелку миллиметр за миллиметром. Расплавленная ванночка послушно следовала за кончиком электрода, застывая позади ровным, чешуйчатым, безукоризненно плотным валиком. Геометрия шва получалась идеальной — ни единого подреза, ни малейшего наплыва. Оставалось пройти не больше двадцати сантиметров. Еще четверть часа сосредоточенной ювелирной работы на пронизывающем сквозняке — и ночная смена будет закрыта. Бригада сможет спуститься на нулевую отметку, принять обжигающий душ и забыться тяжелым сном в общежитии мостоотряда.

В этот самый миг привычный материальный мир вокруг них дал осечку.

Это произошло абсолютно бесшумно. Без раскатистого грохота взрыва, без ослепительной вспышки короткого замыкания, без завывания заводских сирен гражданской обороны.

Сначала намертво исчез звук.

Свирепый морской ветер, только что ревеливший в ушах с силой урагана, словно натолкнулся на глухую звуконепроницаемую подушку. Низкий стон и гудение вантовых канатов оборвались мгновенно, будто гигантские стальные струны срезало невидимым скальпелем. Промышленный гул мегаполиса, грохот контейнеровозов в порту, пересвисты маневровых тепловозов — все провалилось в абсолютный, вязкий вакуум.

Затем пришла вибрация.

Она принципиально не походила на обычную механическую дрожь конструкций. Не так вибрирует опора, когда по временному настилу ползет кран с сорокатонным грузом. Это была глубинная, тошнотворная инфразвуковая судорога, зародившаяся не в металле, а в самой координатной ткани окружающего пространства.

У Ильи мгновенно заныли корни зубов, в виски ударил свинцовый молот, а желудок подкатил к горлу спазмом дурноты. Глаза обожгло внезапной сухостью, словно под веки швырнули горсть кварцевого песка.

Закрепленный на его правом бедре портативный ультразвуковой дефектоскоп — прибор в ударопрочном корпусе — тонко взвизгнул на ультразвуковой частоте. Экран прибора заплыл радужными нефтяными разводами, пиксельные матрицы закоротило, и закаленное защитное стекло толщиной в три миллиметра треснуло ровной крестообразной трещиной от центра к углам, хотя внешнего механического удара по корпусу не последовало.

— И-и-ль-я-а... — в подшлемнике зазвучал голос Кости, но слова растягивались в чудовищно длинные, тягучие волны, распадаясь на шипящие потусторонние обертоны, будто напарник кричал сквозь толщу замерзшего глицерина. — Что... за... черт... Тросы... ноль... гравитации...

— Костя! Замри на месте! — сквозь стиснутые до хруста зубы рывкнул Илья, усилием воли подавляя волну дикого головокружения.

Он немедленно отпустил курок подачи проволоки. Голубая дуга с тихим щелчком погасла. Платов резким движением откинул вверх щиток сварочной маски.

Ледяной воздух хлестнул по лицу, однако на этот раз он принес с собой вовсе не запах соленого морского льда. Воздух пахнул едким, резким до тошноты ароматом раскаленного кремния, горелой синтетики, концентрированного озона и какого-то чуждого, сладковато-гнилостного эфира. От этого запаха перехватило дыхание, а на языке мгновенно осел медный привкус разрядившейся батарейки.

Прямо перед Ильей, на расстоянии вытянутой руки над свежеуложенным металлом ригеля, треснуло само пространство.

Это не было оптическим обманом или маревом от остывающего шва. Пространство ночи внезапно утратило свою прозрачность и непрерывность. Оно словно уплотнилось, превратив-

шись в толстенную плиту оптического стекла, по которой со всего размаха пришелся удар невидимого керна.

Прямо по воздуху, рассекая границу между стальным телом балки и черным ночным небом над заливом, пролегла геометрически безупречная линия.

Она не отражала свет технологических прожекторов. Она излучала собственный свет.

Холодный, ядовитый, пульсирующий ультрафиолетовый тон с примесью мертвого пурпура выжигал сетчатку. От этой трещины повеяло таким космическим холодом, перед которым полярный мороз залива казался ласковым полуднем. Линия вибрировала с частотой в несколько тысяч герц, издавая тончайший стеклянный визг, от которого на спецовке зазвенели стальные заклепки карманов.

Илья оцепенел, чувствуя, как вдоль позвоночника струится ледяной пот.

Он прекрасно знал, что это такое. Каждый житель планеты, переживший катастрофу пятилетней давности, наизусть помнил этот свет из экстренных выпусков новостей.

Пространственный Разлом.

Пять лет назад материальный мир треснул по швам. Сквозь открывшиеся бреши из неизведанного подпространственного континуума хлынула темная неиссякаемая субстанция — эфир. Корпоративные гиганты вроде «Эфир-Тек» моментально монополизировали добычу кристаллов эфира, построив на этом триллионные империи и превратив смертоносную аномалию в главный двигатель новой технологической эры.

Но во всех правительственных директивах и сводках безопасности черным по белому утверждалось фундаментальное правило: разломы гравитационно привязаны исключительно к геодезическим нулевым отметкам твердой коры! Они возникали в сырых заброшенных шахтах, на пустырях старых заводов, в глубинах осушенных речных русел или на дне карьеров.

Никогда прежде, ни в одном докладе исследователей разлом не открывался в чистом воздухе. Тем более на отметке плюс триста метров, прямо на несущей металлоконструкции строящегося моста!

— Костя, аварийный стопор! — крикнул Платов, бросаясь к краю настила и вцепляясь в обледеневший леер. — Немедленно глуши привод и садись на дно люльки!

Но привычные фундаментальные законы физики на этой высоте уже перестали существовать.

Тонкая фиолетовая линия в воздухе дернулась, издала металлический хруст и резко расширилась в стороны, превращаясь в изломанный разрыв длиной почти в четыре метра. Раздался оглушительный треск — так звучал бы одновременный разрыв тысячи слоев кевларового полотна.

Там, где фиолетовый зигзаг прошел сквозь массивное стальное тело ригеля жесткости, произошло событие, от которого у любого инженера-строителя помутился бы рассудок.

Сталь марки 10ХСНД толщиной сорок пять миллиметров не погнулась под колоссальным давлением, не потекла и не раскололась по линии кристаллической решетки.

Она просто перестала быть единым целым в координатной сетке мира.

Левая часть балки осталась неподвижной, а правая половина ригеля вместе с монтажным фланцем мгновенно сместилась вверх ровно на сорок три миллиметра по вертикали, словно пространство внутри среза сдвинули гигантским скальпелем. Сплошность среды была грубо нарушена. Высокопрочные срезные титановые болты диаметром сорок два миллиметра срезало так гладко, словно они были скатаны из мягкого воска. Отрезанные цилиндры с визжащим звоном рикошета брызнули в разные стороны. Один из массивных обломков пробил насквозь стальной ящик с электродами в полушаге от правого колена Ильи.

Вся пространственная конструкция верхнего яруса пилон протяжно застонала. Ослабленный ригель потерял несущую способность, и тонны преднапряженного металла начали угрожающе скручиваться по спирали.

— А-а-а-а! Держи! — истошный вопль напарника прорезал динамик рации. — Трос лопнул! Подвеска сорвана! Илья, я падаю!

Платов всем телом перегнулся через перила площадки.

Монтажная люлька Короткова висела под критическим углом в сорок пять градусов. Ее правый трос был срезан пространственной волной так же чисто, как болты балки. Люлька болталась над бездной на одном страховочном фале, натянутом до предела струны. Костя судорожно цеплялся пальцами за борт, а под его ногами расстилались триста метров ледяной ночной пустоты.

Но самое страшное разворачивалось не внизу.

Прямо из зияющей фиолетовой раны в разорванном воздухе наружу начала сочиться тяжелая, густая материя. Это был не дым и не пар — осязаемый эфир, похожий на кипящую темную смолу с переливами электрик-ультрафиолета. Он стекал вниз каплями, и каждая капля, касаясь стальной балки, с шипением вгрызалась в металл, оставляя дымящиеся каверны.

А следом из пульсирующей глубины трещины донеслись звуки, не имевшие ничего общего с технической аварией.

Сухой, пулеметный стук суставов. Скрежет десятков острых граней о невидимый край разорванного мира.

В холодном сиянии пространственного разрыва блеснули первые острые сегменты граненого полупрозрачного панциря. Из утробы чужого измерения, цепляясь за рваные кромки реальности бритвенно-острыми кристаллическими жвалами и когтями, лезла наружу первая аномальная тварь.

Илья Платов замер на вибрирующем настиле. В руке его намертво была зажата тяжелая рукоять рабочей горелки. Внизу, словно растревоженный муравейник из светящихся микросхем, мерцал Северный Хаб. Город жил своей сытой или полуголодной жизнью, не ведая, что прямо сейчас на высоте птичьего полета решается его судьба. Если этот пилон потеряет устойчивость и рухнет в пролив, эффект домино сдернет остальные пролеты, похоронив под миллионами тонн искореженного проката судоходную артерию и портовые терминалы.

И в эту секунду инженерный расчет внутри его сознания напрочь вытеснил инстинкт самосохранения.

Разрыв пространства пытался уничтожить его мост. А мосты Платова не падали никогда.

ГЛАВА 02. ПРОБУЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ

— Илья-а-а! Трос трещит! Карабин сорвет к чертям! — истошный крик Кости Короткова захлебнулся в динамике рации, сменившись бешеным клекотом эфирных помех и свистом ледяного ветра.

Монтажная люлька напарника со скрежетом и металлическим визгом качнулась над черной бездной. Отрезанный пространственным сдвигом правый подвес хлестал по воздуху, высекая снопы искр о тело пилона. Единственный уцелевший страховочный фал — двенадцатимиллиметровый плетеный канат из полиэтилена со стальным сердечником — натянулся до предела. От него исходил звонкий, жалобный звук перетянутой гитарной струны, готовой лопнуть в любую секунду от знакопеременной нагрузки. Костя судорожно цеплялся заочковенными пальцами за борт платформы, его ноги болтались в пустоте, а в глазах сквозь запотевшее стекло очков плескался чистый, животный ужас человека, под которым разверзлись триста метров свободного падения в ледяные воды залива.

Но напарнику угрожала не только чудовищная высота.

Из пульсирующего фиолетового разлома, расплескивая вокруг себя густую светящуюся смолу концентрированного эфира, на стальную полку деформированного ригеля тяжело вывалилась тварь.

Она не походила ни на одного земного биологического хищника. Ее массивное тело, достигавшее полутора метров в длину, состояло из бесчисленных граненых сегментов мутно-фиолетового хитина, напоминавшего полупрозрачное кварцевое бронестекло с острыми гранями. Шесть многосуставчатых лап оканчивались зазубренными кристаллическими серпами, которые при каждом шаге со скрежетом впились в закаленную броню балки, оставляя на легированной стали глубокие белесые борозды. Клиновидная голова была напрочь лишена привычных глаз: вместо них по сегментированному панцирю пульсировали десятки мелких багровых сенсорных точек, улавливающих малейшие колебания среды, а челюсти представляли собой тройной радиальный венец из бритвенно-острых кристаллов, перемалывающих воздух с сухим пулеметным щелканьем костяшек домино.

Стеклозуб.

Илья мгновенно опознал монстра. Сталкеры нижних ярусов, ветераны зачисток и наемники корпоративных ЧВК травили жуткие байки об этих тварях в кабаках припортовой зоны. Разломный падающий и хищник ранга F — слепой, быстрый, ориентирующийся исключительно на вибрации несущего металла и тепловое инфракрасное излучение живой человеческой плоти. В обычных условиях Стеклозубы вылезали из сырых трещин заброшенных железнодорожных тоннелей или затопленных бомбоубежищ, но сейчас эта мерзость скребла когтями по его мосту, на высоте птичьего полета.

И тварь уже почуяла добычу.

Багровые сенсорные узлы на морде Стеклозуба налились ядовитым алым свечением. Он резко дернул граненой головой, фиксируя источник тепла — беспомощно висящего под технологическим настилом Костю. Издав пронзительный, режущий барабанные перепонки ультразвуковой свист, чудовище припало на передние суставы и с неестественной, дерганой скоростью метнулось по искореженной полке балки к узлу крепления страховочного фала.

Один удар кристаллического серпа — и синтетический сердечник троса разлетится на бесполезные волокна.

— Пошел вон от балки, кусок шлака! — яростно выдохнул Илья сквозь зубы.

Его мозг сработал значительно быстрее, чем успел оформиться инстинкт самосохранения. Платов не стал тратить драгоценные доли секунды на бесполезные крики в эфир или попытки вызвать диспетчера мостоотряда. Бригадир монтажников знал точную цену времени на высоте: случайно оброненный гаечный ключ летит до поверхности воды ровно семь секунд, сорвавшийся с настила человек — чуть больше восьми. Любая заминка означала верную гибель Кости.

Правая рука Ильи привычным, доведенным до автоматизма жестом щелкнула тумблером на рукояти тяжелого сварочного полуавтомата.

Реостат подачи сварочного тока был выкручен до упора — триста пятьдесят ампер. Защитный газ — смесь аргона и углекислоты под давлением в шесть атмосфер. Платов сделал резкий, упругий шаг вперед по вибрирующему технологическому настилу, балансируя на свирепом шквальном ветру, и с силой вдавил пусковую клавишу в рукоять.

Факел плазменной горелки взревел, словно реактивное сопло стартующего карьерного челнока.

Слепящий столб голубовато-белого огня температурой свыше четырех тысяч градусов ударил прямо в клиновидную морду чудовища.

В классической металлургии резкий перепад температур является главным врагом любой твердой структуры. Закон термического расширения материалов неумолим и беспощаден: если ледяную кристаллическую решетку мгновенно нагреть точечным источником запредельной тепловой энергии, чудовищные внутренние напряжения разорвут межмолекулярные связи намного быстрее, чем тепло успеет равномерно распределиться по массе вещества.

Илья ударил не наобум, как ударил бы охваченный паникой уличный боец. Он целился с хладнокровием опытного дефектоскописта — точно в подвижное сочленение головного щитка и первого грудного сегмента Стеклозуба, где граненая хитиновая броня имела наименьшую толщину и максимальное механическое напряжение при движении.

Стеклозуб взвизгнул на ультразвуковой ноте, от которой в ушах Платова лопнули сосуды.

Кварцевый хитин монстра мгновенно вскипел, покрываясь сетью ветвящихся белесых трещин. От колоссального термоудара внешние сегменты панциря начали лопаться с сухим треском каленого бронестекла, брошенного в кипящую кислоту. Фонтан ослепительных белых искр и брызг едкой сиреневой лимфы брызнул во все стороны, с шипением оседая на обледеневшем металле балки и прожигая защитный слой заводской краски.

Тварь конвульсивно отшатнулась от края настила, судорожно молотя передними серпами по пустоте. Но эфирный хищник обладал феноменальной живучестью. Получив концентрированный удар, способный за секунду прожечь насквозь полудюймовую бронеплиту армейского бронетранспортера, монстр лишь яростнее заскрежетал тройным венцом челюстей. Слепо повинаясь заложенной в него жажде убийства, Стеклозуб резко крутнулся на шести суставах и с коротким рыком метнулся прямо на Илью.

Широкий рубящий взмах кристаллической лапы рассек свистящий ночной воздух.

Илья успел рефлекторно подставить локоть, защищенный толстой спилковой крагой и кевларовым нарукавником, но острие эфирного когтя прошло сквозь многослойную защиту так легко, словно плотная воловья кожа была мокрой папиросной бумагой. Острая, пульсирующая ледяным пламенем боль пронзила предплечье. Кристаллический шип глубоко вспорол мышцы, зацепив надкостницу, и по рукаву комбинезона мгновенно потекла горячая темная кровь.

Но физическая боль оказалась ничем по сравнению с тем, что последовало за ней.

Вместе с ударом когтя в открытую рану проник темный эфир. По венам Ильи словно плеснули гремучую смесь жидкого азота и концентрированной кислоты. Мышцы правой руки мгновенно свело мучительной судорогой, перед глазами поплыли радужные круги, а в ушах зазвучал гулкий, похоронный звон. А прямо из пульсирующей утробы фиолетового разлома, раздвигая рваные края пространства, уже протискивалась вторая особь. Она была в полтора раза крупнее первой: массивный шипастый панцирь отливал темным аметистом, а тяжелые гранитные жвалы могли без труда перекусить надвое железнодорожную колесную пару.

— Илья! Он сейчас перебьет трос! Люлька кренится! — донесся снизу захлебывающийся крик Короткова.

Монтажная люлька застонала. Оплавленный каплями эфирной смолы трос начал стремительно расплетаться. Отдельные стальные проволоки лопались с сухими щелчками: *дзынь!.. дзынь!..* Каждый щелчок отзывался в сознании Платова приближением неминуемой смерти товарища.

«Две жилы осталось. Секунда. Максимум полторы до полного обрыва подвески», — с математической точностью зафиксировал угасающий мозг бригадира.

Илья сжал зубы с такой силой, что известковая крошка эмали захрустела во рту. Превозмогая парализующий ледяной мороз в раненой руке, он шагнул вперед, прямо на кромку разорванной балки — туда, где между левой и правой половиной ригеля зияла сорокасантиметровая пустота разлома.

Он изо всех сил впечатал носок тяжелого ботинка с титановым подноском в растрескавшийся головной узел первого Стеклозуба. Кристаллические осколки панциря брызнули из-под рифленой подошвы, чудовище потеряло точку опоры и сорвалось с балки, кувыркаясь в черной пропасти залива.

Но второй монстр уже завершил прыжок.

Тяжелое граненое тело обрушилось на Илью всей своей массой, сбивая монтажника с ног на узком решетчатом настиле. Когти твари впились в оцинкованную сталь решетки в считанных миллиметрах от его ребер. Зловонное, озоновое дыхание чужого измерения ударило в лицо сквозь треснувший щиток маски.

Илья уперся левым коленом в массивный панцирь монстра, отчаянно пытаясь свободной рукой вогнать раскаленное сопло горелки прямо в раскрытую кристаллическую пасть.

Он судорожно нажал пусковую клавишу.

Щелк.

Вместо ровного, победного рева плазменной дуги раздался лишь сухой, беспомощный треск механического реле.

На тяжелом переносном блоке питания, стоявшем в десяти метрах на оголовке пилона, с оглушительным взрывом лопнул силовой трансформатор. Мощнейший электромагнитный импульс, рожденный нестабильным разломом, на корню сжег микропроцессорные платы инвертора. Питающий кабель вспыхнул и безжизненно задымился, а индикатор подачи сварочного тока ослеп.

Обычное человеческое оружие — земная техника — отказало в самый критический момент.

Стеклозуб торжествующе защелкал гранитными жвалами. Его пасть широко раскрылась, обнажая тройной ряд прозрачных кристаллов, нацеленных прямо в незащитное горло бригадира.

«Конец, — промелькнула острая, кристально четкая мысль. — Стык не заварен. Мост рухнет. Костя погибнет следом за мной».

Но в ту самую микросекунду, когда капли ядовитой сиреневой слизи монстра уже коснулись воротника спецовки, а проникший в кровь темный эфир докатился до сердца, материальный мир вокруг Ильи Платова замер.

Движение времени прекратилось.

Падающие с высоты капли крови застыли в воздухе алыми гранатовыми каплями, висящими в невесомости. Шквал ветра застыл монолитной стеклянной стеной. Кристаллические жвалы чудовища замерли в миллиметре от трахеи, а изломанные фиолетовые молнии пространственного разлома превратились в застывшие скульптуры из мертвого фиолетового льда.

В абсолютной, глубочайшей тишине, разлившейся внутри его собственного сознания, раздался отчетливый, размеренный звук — звук мощного удара кузнечного молота по титановой наковальне.

И прямо перед глазами Ильи, прожигая застывшую ткань пространства, вспыхнули ровные, геометрически строгие строки монохромного изумрудно-серебристого текста, заключенные в монументальные рамки системного протокола:

[Системное оповещение: Зафиксирован прямой контакт биологического носителя с высококонцентрированным темным эфиром нестабильного пространственного разлома.]

[Глубокое сканирование психофизического профиля оператора: завершено.]

[Идентификатор субъекта: Илья Платов. Возраст: 28 лет.]

[Профессиональная матрица: Инженер-мостостроитель, бригадир высотного монтажно-сварочного звена 6-го разряда.]

[Базовые параметры совместимости:

- Уровень стрессоустойчивости при смертельной угрозе: Критический (98.4%)

- Топологическое и объемно-пространственное восприятие: Высшая категория

- Психокинетическое сродство с металлами и термическими фазовыми переходами: 94.8%

- Способность к сохранению структурного мышления в условиях энтропии: Абсолютная.]

[Анализ совместимости с фундаментальными протоколами восстановления реальности: Совместимость 100%.]

[Внимание! Инициация скрытой системной ветви развития. Стандартные деструктивные классы («Маг Разрушения», «Берсерк Эфира», «Разломный Стрелок») категорически отклонены оператором на подсознательном уровне.]

[Присвоен уникальный скрытый класс: «Пространственный Сшиватель».]

[Текущий статус: Ранг 0 (Инициация).]

Илья ощутил, как нечто невообразимо масштабное, древнее и совершенное вошло в прямой контакт с его центральной нервной системой. Смертоносный мороз разломного эфира, еще секунду назад убивавший ткани его руки, внезапно изменил свою квантовую полярность. Холод переплавился в гудящую, концентрированную силу, струящуюся по мышечным волокнам, костям и нейронным связям. Вся боль мгновенно улетучилась, оставив после себя ледяную, абсолютную ясность восприятия.

Новые строки системного интерфейса развернулись каскадом, проецируя данные прямо на сетчатку глаз:

[Системный статус оператора:

Имя: Илья Платов

Класс: Пространственный Сшиватель (Ранг 0)

Уровень: 1

Запас Эфирной Плазмы: 120 / 120

Предел Прочности (Физическая стойкость): 14

Топологическое Зрение (Восприятие структуры): 18

Термодинамический Контроль: 16

Сопротивление Деформации: 15]

[Получены базовые классовые навыки:

1. «Топологический Анализ Разрыва» (Пассивный, Уровень 1): Оператор видит структуру пространственных трещин в виде кромок материала, доступных для механического и термического соединения. Автоматически рассчитываются векторы натяжения, точки концентрации напряжений и зоны фазовой усталости пространства.

2. «Эфирный Факел» (Активный, Уровень 1): Способность напитывать рабочий инструмент концентрированной эфирной плазмой, генерируя направленную дугу, способную плавить, сплавлять и стягивать не только физические материалы, но и грани пространственно-временного континуума.]

[Внимание! Обнаружен подходящий материальный проводник для немедленной привязки классового орудия: Ручная горелка полуавтоматической сварки.]

[Запустить процесс артефактной конверсии материального инструмента? (Да / Нет)]

Время вокруг по-прежнему оставалось неподвижным.

Илья Платов внимательно посмотрел на застывшую в воздухе морду хищника, на остекленевший фиолетовый разлом, на каплю крови, замершую перед его лицом. Его мозг инженера хладнокровно разложил происходящее по полочкам. Никакой мистики. Никакой магии древних богов. Перед ним находилась чистая физика высших размерностей. Пространство надорвалось ровно так же, как надрывается перегруженная балка в аварийном пролете. А он — сварщик. И его призвание — сваривать металл и намертво держать конструкцию.

— Да, — спокойно произнес Илья в глубине своего разума. — Подтверждаю конверсию. Запускай дугу.

[Принято. Артефактная конверсия инструмента завершена.]

[Создан персональный инструмент: «Эфирный Факел Платова (Ранг 0)».]

[Внимание! Зафиксировано критическое натяжение страховочного троса напарника. Возобновление нормального течения времени через: 3... 2... 1...]

Грохот реальности обрушился на уши с оглушительной силой.

Морской шквал с диким ревом ударил в спину. Капли крови со звоном упали на оцинкованный настил. Челюсти гигантского Стеклозуба сомкнулись с металлическим скрежетом ровно в том месте, где секунду назад находилась шея Платова.

Но Ильи там уже не было.

Его тело двигалось с невероятной, геометрически выверенной эффективностью. Словно подключившись к идеальным кинематическим уравнениям, Платов упруго ушел в сторону по вибрирующему настилу.

В его правой руке рукоять обычной промышленной горелки ослепительно вспыхнула чистым сапфировым огнем.

Тяжелый медный корпус инструмента мгновенно трансформировался: по металлу пролегли тончайшие серебристые линии термических каналов, керамическое сопло остекленело, налившись густым полупрозрачным сиянием, а из сопла с мелодичным свистом вырвался не газовый факел, а тугой, ослепительный луч высококогерентной эфирной плазмы.

Дуга звенела на частоте в десять тысяч герц — чистый, кристальный звук абсолютного инструмента.

[Системное оповещение: Активирован «Эфирный Факел». Расход плазмы: 2 единицы в секунду. Температура дуги: 5800 К.]

Стеклозуб даже не успел перегруппировать свои кристаллические конечности.

Коротким, выверенным движением, каким опытный мастер срезает дефектный шов угловой шлифовальной машиной, Илья полоснул сапфировым лучом поперек массивного панциря твари.

Эфирная дуга прошла сквозь кристаллическую броню без малейшего сопротивления, как раскаленная нихромовая струна сквозь мягкий пенопласт. Панцирь монстра раскололся надвое с мелодичным стеклянным звоном, внутренности чудовища испарились в ослепительной фиолетовой вспышке, и две половины поверженного хищника рухнули с площадки, рассыпаясь в воздухе хлопьями мерцающей сиреневой пыли.

[Уничтожен монстр: Стеклозуб-доминант (Ранг F). Получено: 25 единиц эфирного опыта.]

Платов не задержался ни на миллисекунду. Он выпрямился во весь рост на краю бездны, сжимая в руке гудящий сапфировым пламенем Факел.

В его глазах привычный трехмерный мир навсегда изменился. Теперь поверх ночного неба и искореженного металла пролегла мерцающая топологическая сетка внутренних напряжений реальности.

И прямо перед ним зиял главный разрыв.

Рана в теле мира, которую ему предстояло заварить.

ГЛАВА 03. ПЕРВАЯ ПРИХВАТКА

Воздух перед лицом Ильи Платова больше не казался прозрачной пустотой.

С момента активации «Топологического Анализа Разрыва» материальный мир навсегда утратил привычную трехмерную простоту. Поверх темного штормового неба, над мерцающим ядовитыми неоновыми язвами мегаполисом и над искореженными стальными фермами пилона пролегла сложнейшая динамическая координатная сетка. Илья видел силовые линии земной гравитации в виде тускло-серых натянутых струн, ощущал упругую плотность свирепого ветра как подвижные векторы аэродинамического давления, но главное — он отчетливо, с точностью до десятой доли миллиметра, видел саму рану в материи пространства.

Трещина разлома длиной около четырех метров пылала в его новом зрении не просто чуждым фиолетовым светом. Она выглядела точь-в-точь как аварийный сквозной разрыв толстого листового проката, по которому пришелся удар чудовищного гидравлического клина.

Кромки разорванного континуума были неровными, зазубренными, с глубокими фасками и рваными микротрещинами, уходящими в глубь многомерных подпространственных слоев реальности. По краям разрыва пульсировали ярко-красные узлы запредельного механического напряжения сдвига.

Прямо перед внутренним взором развернулся детальный системный формуляр:

[Системный анализ объекта: Локальная нестабильная пространственная трещина.]

[Классификация: Разлом Небытия ранга Е-.]

[Ширина раскрытия кромок: 410 мм в центральной зоне.]

[Тензор остаточных напряжений: Критический. Риск неконтролируемого лавинообразного расширения континуума: 92%.]

[Прогноз: При раскрытии свыше 5000 мм произойдет спонтанная фазовая сингулярность с полным разрушением несущей способности западного пилона моста.]

[Рекомендованный протокол: Немедленная локализация очага разрушения методом ступенчатой прихватки кромок континуума.]

— Прихватка... — пересохшими от жара губами прошептал Илья. Это простое слово отозвалось в его сознании привычным, успокаивающим эхом сотен отработанных технологических смен на самых сложных объектах страны.

Любой дилетант, впервые взявший в руки держатель электродов, наивно полагает, будто металл можно сразу заварить одним длинным, непрерывным швом от края до края. Настоящий мастер знает суровую правду: сделай так на длинной трещине или тонком листе — и деталь неминуемо поведет винтом. Чудовищные внутренние усадочные напряжения разорвут остывающий металл прямо по околошовной зоне еще до того, как сварщик успеет сбить остекленевшую шлаковую корку.

Трещину сначала нужно остановить. Зафиксировать ее вершины, снять внутреннее напряжение, стянуть края жесткими точечными связями — прихватками. И лишь затем, шаг за шагом, проваривать корень.

Фундаментальные законы сопротивления материалов оказались универсальны даже для высшей ткани пространственно-временного континуума.

Из глубины фиолетового разлома раздалось яростное, многоголосое стрекотание.

С гибелью вожака твари Бездны не отступили. Напротив, резкий запах испарившейся в плазме сиреневой лимфы подстегнул хищную стаю. В глубине зияющей щели замелькали десятки граненых кристаллических лап. На свет выбирались сразу четыре новых Стеклозуба. Двое мелких, невероятно ярких падалыщиков уже карабкались по нижней кромке разорванной балки, нацеливаясь на перетертый страховочный трос висящего над пропастью Кости, а крупная особь с широким чешуйчатым панцирем протискивала массивную клиновидную голову прямо в центральный зазор трещины, стремясь расширить брешь тяжестью своего тела.

— Илья! Рука соскальзывает! — донесся снизу сорванный, булькающий крик Короткова. — Трос... одна жила осталась!.. Я сейчас сорвусь!

— Держись, Костя! Ниже упора не упадешь, я держу конструкцию! — рявкнул Платов, и в его голосе звенела сталь, не допускающая возражений.

Его пальцы плотнее сжались на рифленой рукояти «Эфирного Факела».

Артефактный инструмент отозвался на импульс его воли мягкой, басовой вибрацией, от которой по костям руки разлилось приятное, пьянящее тепло. По серебряным каналам на медном корпусе побежал ослепительный лазурный огонь. Керамическое сопло нагрелось до прозрачно-вишневого свечения, создавая вокруг руки защитное термодинамическое поле.

[Активирован рабочий режим «Эфирного Факела». Запас Эфирной Плазмы: 116 / 120.]

[Мощность дуги: 450 Ампер эфирного эквивалента. Температура плазменного шнура: 6200 К.]

[Формирование защитной газовой среды: Сконцентрирован ионизированный аргон-эфирный кокон.]

Илья шагнул вперед. Под его подошвами стонала и вибрировала разорванная балка моста, но координатная сетка в его глазах давала абсолютную уверенность в каждом миллиметре движения.

Первым делом — вершины трещины.

Если не связать края в самой крайней точке разрыва, любое внешнее усилие, любая вибрация от проходящего внизу шквала приведет к концентрации напряжений, и микротрещина побежит дальше по воздуху, как стрела по капроновому полотну.

Илья поднес сопло факела к левой вершине разлома — туда, где фиолетовый разрыв сходил на нет, превращаясь в тончайшую световую паутину на фоне ночного неба.

— Пошла дуга! — скомандовал он самому себе вслух.

Он нажал пусковую клавишу.

Ослепительный сапфировый луч толщиной с вязальную спицу с сухим громоподобным треском ударил в точку схождения пространственных кромок.

Звук был неопишем. Это не было похоже на шипение обычной электрической дуги. Пространство тонко, пронзительно взвизгнуло, словно две гигантские стеклянные плиты сдавили в прессе с усилием в сотни атмосфер. В точке касания плазменного луча левая и правая кромки пустоты вспыхнули ослепительным белым светом. Илья почувствовал колоссальное сопротивление отдачи: разорванное пространство яростно упиралось, стремясь разойтись вширь, но эфирная дуга за долю секунды преодолела предел упругости континуума.

Платов сделал короткое, выверенное круговое движение соплом, формируя сварочную ванну расплава реальности.

Края разорванного мира с мягким хлопком схлопнулись в одной точке. На месте левой вершины трещины образовался сияющий серебристо-стальной нарост — капля застывшего пространственного шлака, скрепившая разорванные пласты реальности намертво.

[Выполнена предварительная прихватка #1: Левая вершина разлома зафиксирована.]

[Концентрация напряжений в левом очаге: Снижена на 24%.]

[Остаточная длина активной трещины: 3.1 метра.]

[Расход плазмы: 15 единиц. Текущий запас: 101 / 120.]

Илья не стал ждать ни секунды. Не обращая внимания на лезущих чудовищ, он метнулся вдоль балки к противоположному концу разрыва.

Правая вершина трещины уходила прямо в тело стального ригеля моста, расщепляя металл на молекулярном уровне. Здесь сопротивление было втрое выше: физическая сталь марки 10ХСНД сопротивлялась пространственной деформации, порождая чудовищный скручивающий момент.

Один из мелких Стеклозубов, заметив приближение человека, оттолкнулся от полки балки и прыгнул, раскрыв свои прозрачные жвалы в смертоносном броске.

Илья даже не сбил шаг.

Коротким, почти небрежным движением левой руки в толстой воловьей краге он перехватил тяжелый монтажный молоток-шлакоотделитель с пояса и наотмашь вlepил его закаленным бойком прямо в клиновидную морду летящей твари.

Раздался сухой, трескучий звон раскалывающегося кварца. Оглушенный монстр закувыркался по настилу, брызгая фиолетовой лимфой, а Илья уже впечатал пылающее сопло «Эфирного Факела» в основание правой вершины.

Вспышка!

Сапфировая дуга взревела, расплавляя грань между атомами легированной стали и квантовыми волокнами пространства. Вязкая серебристая масса расплава забурлила под соплом. Илья задержал дугу ровно на полторы секунды, контролируя глубину провара, и резко оборвал подачу тока.

Хлоп!

Вторая вершина разлома схлопнулась, скованная второй сверхпрочной прихваткой. Металл балки и ткань пространства сплывались в единый монолит. Правый конец трещины перестал расти, превратившись в мерцающий серебристый рубец.

[Выполнена предварительная прихватка #2: Правая вершина разлома зафиксирована.]

[Риск спонтанной сингулярности: Полностью ликвидирован.]

[Остаточная протяженность раскрытия: 2.2 метра.]

[Текущий запас плазмы: 86 / 120.]

Теперь оставался самый опасный, центральный участок — зияющее жерло разлома шириной в сорок сантиметров, откуда в наш мир продолжали яростно рваться порождения Бездны.

Крупный Стеклозуб-доминант наполовину протиснулся сквозь брешь. Его широкие гранитные лапы скребли по настилу, подтягивая массивное кристаллическое туловище. Следом за ним в зазор протискивались еще двое хищников, создавая живую пробку из острых граней, ядовитой слизи и скрежещущих челюстей.

Они считали, что прорываются в мир живой теплой добычи. Они не понимали, что находятся в сварочном зазоре.

Илья Платов усмехнулся — жестко, зло, с тем особенным куражом профессионала, который видит, как непокорная деталь наконец-то встает в заданные проектом кондукторы.

— А теперь, твари, посмотрим на вашу ударную вязкость, — негромко произнес он.

В классической сварке существует понятие линейной усадки: остывающий шов неизбежно сжимается, стягивая соединяемые детали с силой в десятки тысяч тонн. Если стянуть края широкого раскрытия мощной силовой прихваткой, высвобожденная энергия деформации превращается в колоссальный механический пресс.

Платов переключил факел на максимальную плотность струи.

[Внимание! Формирование силового стягивающего шва. Режим: «Ударная Прихватка».]

[Требуемый расход плазмы: 50 единиц.]

[Подтверждение: Получено.]

Илья навел пылающее сопло точно в центр раскрытия — прямо между лапами застрявших в разломе монстров, туда, где кромки разорванной реальности дрожали от колоссального напряжения.

Он вдавил спуск до упора.

Из сопла вырвался не луч. Вырвался ревущий вихрь концентрированной сапфирово-белой плазмы, мгновенно опутавший края пространственной трещины ослепительным силовым жгутом.

Илья повел горелку широким поперечным зигзагом, накладывая массивный мостик из кипящего эфирного расплава.

— Стягивай! — прорычал Платов, вливая всю свою волю в рукоять инструмента.

Пространство повиновалось.

Законы геометрии сработали с беспощадной точностью гигантской гильотины.

Стянутые мощнейшим термодинамическим усилием эфирного шва, края разорванной реальности с оглушительным, пушечным грохотом устремились навстречу друг другу.

БАМ-М-М!

Звук захлопнувшегося разлома раскатился над ночным заливом, заглушая вой шторма. Кромки континуума сошлись с такой скоростью и силой, что застрявшие в щели Стеклозубы даже не успели издать предсмертного визга.

Пространственная щель перекусила монстров пополам.

Кристаллические панцири толщиной в ладонь, выдерживавшие прямые попадания крупнокалиберных пуль, были срезаны абсолютно ровно, по идеальной геометрической плоскости. Верхние половины тел чудовищ с сухим стуком вывалились на настил площадки и тут же осыпались мертвой фиолетовой пылью. А их задние сегменты навсегда остались по ту сторону запечатанного Небытия.

В центре балки, на месте зияющей раны, теперь пульсировал толстый, чешуйчатый, светящийся мягким лазурным светом шов. Он не просто закрывал дыру — он соединил смещенные плоскости стального ригеля моста, восстановив непрерывность металла.

Линии напряжений на сетке восприятия Ильи мгновенно окрасились из тревожного багрового цвета в спокойный, нейтрально-зеленый.

Над настилом повисла звенящая, благословенная тишина.

Перед глазами Ильи зажглись золотистые системные строки:

[Системное оповещение: Пространственный разлом ранга Е- успешно локализован и запечатан.]

[Качество наложенного шва: 96.4% (Превосходно).]

[Уничтожено противников: 4 особи Стеклозубов ранга F.]

[Получено опыта: 85 единиц.]

[Поздравляем! Ваш уровень повышен!]

[Текущий уровень: 2.]

[Характеристики оператора обновлены:

Запас Эфирной Плазмы: 160 / 160 (Полное восстановление)

Предел Прочности: 14 -> 15

Топологическое Зрение: 18 -> 19

Термодинамический Контроль: 16 -> 17

Сопrotивление Деформации: 15 -> 16]

[Получено свободное очко характеристик: 2.]

[Открыт новый классовый навык: «Шлаковый Всплеск (Уровень 1)» — способность кристаллизовать избыточную энергию шва в виде сверхпрочного защитного барьера или метательных поражающих элементов.]

Теплая, пульсирующая волна энергии прокатилась по уставшему телу Ильи. Глубокая рана на правом предплечье, оставленная когтем монстра, затянулась прямо на глазах, оставив лишь узкий серебристый шрам, похожий на след от ожога капель металла. Силы вернулись с избытком, а в голове звенела кристальная, удивительная ясность.

Но праздновать победу было некогда.

— Костя! — спохватился Илья, бросая взгляд за леерное ограждение.

Внизу, на высоте трехсот метров, на последней уцелевшей жилке стального сердечника болталась накренившаяся люлька. Коротков висел, вцепившись побелевшими пальцами в обледеневший борт, его дыхание вырывалось из легких хриплыми, рваными толчками.

Платов мгновенно перехватил «Эфирный Факел» в левую руку, закрепил его на пояском подвесе и бросился к аварийной лебедке настила.

С возросшей силой и физической стойкостью подъем не составил труда. Илья перешелкнул силовой карабин вспомогательного фала, зацепил его за кольцо разгрузочного жилета напарника и мощным, размеренным движением плеч и спины выдернул Костю на прочную оцинкованную решетку оголовка.

Коротков рухнул на колени, судорожно глотая морозный воздух и содрогаясь всем телом от пережитого потрясения.

Несколько долгих минут монтажник просто сидел, уткнувшись шлемом в колени и слушая, как завывает ветер в вантовых канатах моста. Затем он медленно, словно не веря, что остался жив, поднял голову.

Его ошалелый взгляд упал на перекушенные пополам туловища монстров, осыпающиеся в серый пепел, затем перетек на монолитный лазурный шов, намертво стянувший разорванную стальную балку, и наконец уперся в Платова.

В руке Ильи обычная сварочная горелка продолжала едва заметно пульсировать глубоким сапфировым светом, а из ее керамического сопла вился тонкий полупрозрачный дымок.

— Платов... — хрипло, едва ворочая непослушным языком, выговорил Костя. Глаза монтажника были круглыми от ужаса и благоговения. — Ты... ты что сейчас сделал?.. Ты... ты заварил дыру в небе?!

Илья устало опустил маску на лоб, вытер тыльной стороной закопченной перчатки пот со лба и спокойно посмотрел на напарника.

— Я сделал свою работу, Костя, — негромко ответил он. — Соединил кромки. Обеспечил проектную прочность конструкции. Вставай на ноги. Нам нельзя здесь оставаться.

В этот момент снизу, со стороны нижних ярусов пилона, сквозь вой ветра донесся тяжелый, ритмичный стрекот винтов и гул турбин.

Из свинцовой пелены облаков над заливом один за другим вынырнули три тяжелых бронированных патрульных челнока с хищными бортовыми огнями и широкими синими полосами на черной композитной броне.

На их бортах сверкал золотой логотип корпорации «Эфир-Тек». Мощные поисковые прожекторы челноков распороли тьму, ударив слепящими лучами прямо в площадку оголовка.

Охотники за эфиром уже шли по следу.

В динамике рации, пробив помехи, зазвучал холодный синтетический голос диспетчера корпоративной службы безопасности:

— Борт семь-сорок-два, фиксируем резкое схлопывание пространственного возмущения на западном пилоне моста «Северный Коронар». Энергетический след аномалии нейтрализован неизвестным источником. Всем подразделениям: блокировать периметр объекта. Задерживать рабочий персонал для допроса и изъятия оборудования. Повторяю: объект подпадает под действие Протокола Ноль.

Костя дернулся, глядя на приближающиеся черные тупоносые машины, чьи прожекторы уже скользили по фермам моста.

— Платов, они нас живьем закопают... — прошептал он, сжимая кулаки. — Ты знаешь, что они делают со свидетелями аномалий.

— Никто нас не закопает, пока у меня есть чем варить и чем резать, — ровно ответил Илья, застегивая штормовой клапан куртки. — К служебному клету. Живо!

ГЛАВА 04. ВНИМАНИЕ КОРПОРАТОВ

Служебная строительная клеть опускалась сквозь полое тело западного пилона с глухим, натужным металлическим скрежетом.

Массивный решетчатый лифт скользил вдоль вертикальных направляющих двутавров. Внутри бетонного колодца царил могильный полумрак, рассекаемый лишь желтыми проблес-

ковыми маячками аварийного спуска. С трехсотметровой высоты они падали вниз — к нулевой отметке ростверка, зажатого между гранитными опорами и свинцовыми водами залива.

Костя сидел на корточках в углу платформы, обхватив голову руками. Пальцы монтажника мелко подрагивали, а взгляд блуждал по стальному настилу.

— Платов... — едва слышно, сквозь зубы прошептал Коротков, не поднимая глаз. — Что это было там, на оголовке? Скажи мне, что мне все это померещилось. Что у меня кислородное голодание от высоты началось. Скажи, что это был просто обрыв подвески и взрыв трансформатора...

Илья стоял у сетчатого борта клетки, положив правую ладонь на брезентовую сумку с инструментом, висевшую на широком наплечном ремне. Обычная с виду сумка из огнеупорного спилка сейчас казалась тяжелее обычного. Внутри нее, надежно завернутый в брезентовую ветошь, лежал трансформированный инструмент. Сквозь плотную ткань едва ощутимо пульсировало сухое, концентрированное тепло.

Платов чувствовал изменения в собственном теле с пугающей отчетливостью.

Новые характеристики, налившиеся после ликвидации разлома, не были строчками из компьютерной игры — они стали частью его плоти. Мышцы словно налились плотным, упругим свинцом. Зрение приобрело хирургическую резкость: он видел микроскопические волосяные трещины на бетонной обшивке шахты, видел вибрацию каждого отдельного троса, безошибочно определяя точку усталости металла.

[Текущий статус оператора: Класс «Пространственный Сшиватель», Уровень 2.]

[Запас Эфирной Плазмы: 160 / 160. Стабилен.]

[Внимание: Зафиксировано приближение внешних сканирующих комплексов класса «Эфир-Детектор М-4». Рекомендована экранировка персонального инструмента.]

— Костя, слушай меня очень внимательно, — негромко, но предельно жестко произнес Илья, наклоняясь к напарнику. — Там, наверху, не было никаких монстров. Там не было фиолетовых дыр в небе. Лопнула проушина фасонки из-за внутреннего брака проката. Коротнуло высоковольтный кабель инвертора, выбило автомат. Ты сорвался на страховочном усе, ударился головой о ригель и словил контузию. Я вытащил тебя лебедкой. Все. Ты понял меня?

Коротков медленно поднял голову. В его глазах отразилось осознание происходящего:

— Корпораты?..

— Если «Эфир-Тек» узнает хотя бы десятую часть того, что ты видел, мы оба не доживем до утра, — отрезал Илья. — Тебя спишут как нежелательного свидетеля в закрытый лазарет на «обследование», а из меня сделают подопытную крысу в их подземных лабораториях. Запомни: лопнула фасонка, замкнуло кабель. Повтори.

— Лопнула фасонка... замкнуло кабель... ты вытащил меня лебедкой, — механически, словно заученную молитву, повторил Костя, судорожно сглотнув. — Понял, Илюха. Я перед тобой в долгу до гроба. Ни слова не скажу.

Тяжелый глухой удар сотряс платформу. Клеть затормозила на нижних буферах, встав на отметке плюс ноль целых пять десятых метра над уровнем залива.

Створки сетчатой двери с лязгом разошлись в стороны.

Илья шагнул наружу — и мгновенно прищурился от ударившего в глаза ослепительного белого света.

Технологическая площадка мостоотряда №4, обычно полупустая и сонная в предрассветные часы, сейчас напоминала военную базу в состоянии боевой тревоги.

По периметру ростверка стояли тяжелые бронетранспортеры. На мокрый от ночного тумана бетон были выставлены передвижные осветительные мачты, заливавшие каждый квадратный метр безжалостным светом ксеноновых прожекторов. В воздухе тяжело, басовито

урчали турбины двух зависших на высоте тридцати метров бронированных челноков, чьи лучи сканировали выходы из пилона.

И повсюду были люди в черной композитной броне.

Бойцы частной военной корпорации «Эфир-Тек» в тяжелых шлемах с глухими зеркальными визорами перекрыли все лестницы, пандусы и въезды на строительную площадку. В их руках тускло поблескивали тяжелые эфирные карабины «Цербер-9» с характерными ребристыми охладителями на стволах. Рабочих ночной смены согнали в угол под навес, оцепив плотным кольцом.

Навстречу выходящим из клетки высотникам неторопливым, хозяйским шагом направился мужчина в длинном графитово-черном бронепальто поверх разгрузочного жилета.

Его лицо с резкими, хищными чертами казалось выточенным из серого базальта. На правом глазу поблескивал оптический имплант с золотистой гравировкой корпоративного монополиста, непрерывно сменяющий цветные кольца фокусировки.

— Бригадир Илья Платов и монтажник Константин Коротков? — голос офицера звучал негромко, но в нем слышалась ледяная, абсолютная власть человека, привыкшего отдавать приказы на поражение. — Я капитан Воронин, начальник оперативного отдела службы внутренней безопасности «Эфир-Тек». Оставайтесь на месте. Руки держите на виду.

Двое оперативников в броне мгновенно шагнули вперед, направив стволы карабинов прямо в грудь Ильи и Кости.

— В чем дело, капитан? — спокойно, не меняя позы, спросил Платов. Его пульс оставался ровным: системная характеристика «Соппротивление деформации» блокировала выброс панического адреналина. — Мы завершили смену. На высоте произошла технологическая авария: заводской брак проката, короткое замыкание питающего кабеля. Напарник травмирован, ему требуется осмотр медика.

Воронин сухо, без тени веселья усмехнулся. Оптический имплант в его глазнице сфокусировался на лице Ильи.

— Брак проката, говорите? Короткое замыкание? — капитан достал из кармана пальто тонкий портативный спектрограф с длинной телескопической антенной. Прибор тонко, тревожно запищал. — Десять минут назад наши орбитальные сканеры и сеть геодезических станций зафиксировали на высоте трехсот метров спонтанный прорыв пространственного континуума. Разлом ранга E с выбросом активного эфира плотностью в сорок миллибаррель на кубический метр. А через шесть минут аномалия исчезла.словно ее выключили тумблером.

Капитан сделал шаг вперед, сократив дистанцию до двух шагов.

— Разломы не исчезают сами по себе, бригадир. Их можно либо выжечь орбитальным плазменным ударом за полмиллиарда кредитов, либо они расширяются, пожирая конструкции, пока стая тварей не выкосит все живое в радиусе километра. Но пилон цел. А фон эфира на вашей одежде превышает санитарную норму в сто сорок раз.

Воронин резко вскинул спектрограф, направляя датчик на брезентовую сумку на плече Ильи.

Прибор взвизгнул на пределе звукового диапазона. Жидкокристаллическая шкала мгновенно уперлась в красный сектор, и на миниатюрном дисплее замигала надпись:

Глаза Воронина сузились. В них вспыхнул хищный, жадный блеск.

— Снять сумку, — процедил капитан, положив пальцы в бронированной перчатке на кобуру тяжелого импульсного пистолета. — Медленно, двумя пальцами. Положите инструмент на землю и отойдите на пять шагов. Все оборудование, контактировавшее с аномалией, подлежит немедленному изъятию в пользу корпорации согласно Параграфу 12 Закона о чрезвычайных ресурсах. После этого оба проследуете в наш фильтрационный изолятор для углубленного нейросканирования.

Костя сжался, побледнев до синевы.

Илья не шелохнулся. Он мгновенно оценил обстановку через координатную сетку класса: до Воронина — метр восемьдесят. Слева — двое стрелков с карабинами. Справа — несущая колонна ростверка толщиной в два метра. Если капитан заберет горелку, назад дороги не будет. Из фильтрационных изоляторов «Эфир-Тек» живыми не возвращались: людей разбирали на биоматериал ради изучения мутаций и эфирной проводимости тканей.

Рука Ильи скользнула к ляжке сумки. Мышцы приготовились к взрывному рывку.

[Внимание! Зафиксирована прямая агрессия со стороны вооруженных лиц.]

[Рекомендация: Активация «Шлакового Всплеска» для создания тактического барьера. Вероятность успешного прорыва: 44%.]

И в этот критический миг, когда пальцы Воронина уже начали расстегивать кобуру, над технологической площадкой взвыла оглушительная сирена аварийной тревоги.

У-У-У-У-У-У-Ж-Ж-Ж!

Красные сигнальные стробоскопы под потолком ростверка вспыхнули бешеными вспышками. В динамиках громкой связи раздался механический женский голос автоматики безопасности:

— Внимание! Критическое давление в криогенной магистрали технологического охлаждения бетона! Угроза гидравлического удара в кессонной камере блока Б! Персоналу немедленно покинуть сектор!

— Что за бред?! — рявкнул Воронин, инстинктивно дернув головой в сторону пульта управления. — Какое давление?! Отставить панику!

Но было уже поздно.

В двадцати метрах позади бронетранспортеров с чудовищным ревом лопнул сорокадюймовый фланцевый узел магистрали жидкого азота.

Густая, ледяная пелена белого пара с силой артиллерийского залпа вырвалась наружу, мгновенно заполнив пространство между бетонными колоннами. Температура на площадке рухнула до нуля за считанные секунды. Ослепительный ксеноновый свет прожекторов уперся в непроницаемую молочную стену. Системы ночного видения и оптические визоры шлемов операторов мгновенно ослепли от колоссального контраста температур, залив экраны белым шумом.

— Тревога! Периметр, держать строй! Стрелять на звук! — заорал Воронин, вскидывая оружие.

В тот же миг чья-то тонкая, но сильная рука в жесткой защитной перчатке железной хваткой вцепилась в рукав куртки Ильи.

— Платов! За мной, живо! Если останешься — тебя разберут на винтики! — раздался резкий, быстрый девичий шепот сквозь свист вырывающегося азота.

Илья повернул голову. Сквозь клубы пара перед ним возникло девичье лицо под капюшоном технологической ветровки службы геодезического контроля. Короткие светлые волосы, выбивавшиеся из-под каски, решительные серые глаза и портативный геодезический терминал «Лейка-Гео», пристегнутый к разгрузочному жилету на груди.

Катя. Екатерина Соколова.

Двадцатитрехлетний младший инженер-геодезист и ведущий аналитик пространственных деформаций мостоотряда. Девчонка с феноменальными мозгами, способная рассчитывать смещения конструкций с точностью до микрона и сутками дежурившая на станции мониторинга.

— Катя?! Это ты сравила контур?! — выдохнул Илья, на ходу увлекая за собой оцепеневшего Костю.

— Меньше вопросов, больше ног! — бросила она, уверенно ныряя под массивную двутавровую балку временного перекрытия. — Я зафиксировала твой шов на мониторах еще три минуты назад! Датчики напряжения сошли с ума: нулевой градиент в зоне разрыва! Такого в

природе не бывает! Корпораты уже перехватили лог станции, они не оставят тебя в живых! Сюда!

Она приложила свой инженерный электронный ключ к аварийной герметичной двери с трафаретной надписью: «Дренажная штольня мостового перехода. Вход только для дежурного персонала».

Замок щелкнул, зеленая полоса диода мигнула, и тяжелая бронированная створка отворилась.

Позади, сквозь стену азотного пара, загрохотали первые выстрелы: оперативники Воронина начали вслепую поливать свинцом и эфирной плазмой технологические настилы. Пули с визгом рикошетили от гранитных опор, выбивая каменную крошку.

Илья буквально толкнул Костю внутрь темного сырого проема, шагнул следом и с силой захлопнул за собой двухсотмиллиметровую стальную дверь, провернув массивный штурвал кремальерного затвора.

Клац!

Четыре тяжелых ригеля вошли в пазы косяка, наглухо отрезав звуки выстрелов и вой сирен.

Катя тяжело дышала, прислонившись спиной к мокрой бетонной стене. — Куда ведет этот коллектор? — спросил Илья, проверяя целостность сумки на плече.

— Под заливом, через старую дренажную систему дореформенной постройки, — быстро заговорила Катя, смахивая мокрую прядь со лба. Ее голос подрагивал от возбуждения и адреналина. — Выход прямо на заброшенные склады восточной промзоны. В сектор «Ржавый Тупик». Туда патрули «Эфир-Тек» не суются без тяжелой бронетехники — там слишком много старых коммуникаций и слишком сильные помехи для их сканеров.

Она сделала шаг к Платову и в упор посмотрела ему в глаза. В ее взгляде не было страха — в нем горел яростный, ненасытный исследовательский огонь истинного ученого.

— А теперь скажи мне правду, Илья. Я видела пространственную телеметрию. Вектор сдвига составлял сорок миллиметров. Разлом ранга Е невозможно закрыть физическими методами. Корпорация тратит миллионы на сдерживающие контуры, чтобы качать из них эфир, но они не умеют их ликвидировать. А ты... ты ликвидировал его за три минуты. Что у тебя в этой сумке?

Илья помолчал несколько секунд, слушая, как в глубине дренажной трубы мерно капает вода.

— Инструмент, Катя, — спокойно ответил он. — Просто рабочий инструмент.

Туннель дренажной штольни тянулся вглубь на сотни метров, спускаясь под илистое дно пролива. Вода здесь хлупала под подошвами, перемешиваясь со старым машинным маслом и известковой крошкой, осыпающейся со сводов. С потолка свисали бороны черной плесени и ржавые гирлянды обесточенных силовых кабелей, проложенных еще полвека назад, до первого Прорыва.

Катя шла впереди, держа в одной руке защищенный армейский фонарь с рассеянным красным светофильтром, а другой пальцем непрерывно листая экраны геодезического терминала. На полупрозрачном дисплее планшета пульсировала трехмерная векторная карта подземных коммуникаций Северного Хаба, расцвеченная синими и желтыми изолиниями.

— Чисто, — шепотом бросила девушка, притормаживая у массивного чугунного распула ливневого перепуска. — На поверхности над нами сейчас главная транспортная развязка портовой эстакады. Сенсоры фиксируют плотный поток тяжелых грузовиков. Их вес и вибрация надежно глушат акустические датчики корпоративных дронов. Воронин отправит поисковые звенья по внешней контуре береговой линии — он уверен, что мы попытались уйти через технический причал или на катере в сторону рыбацких поселков.

Илья на секунду остановился, прижавшись плечом к шершавому влажному бетону. Он мысленно активировал системное окно, проверяя состояние своего энергетического контура.

[Системный мониторинг: Запас Эфирной Плазмы — 160 / 160.]

[Температура персонального инструмента: Номинальная (294 К).]

[Фоновое рассеивание эфира: 0.04 мкР/с (Безопасный уровень для экранированных сенсоров).]

[Примечание: Пассивная маскировка класса «Пространственный Сшиватель» скрывает структуру энергетических каналов носителя от стандартных сканеров корпорации.]

— Катя, откуда у тебя эти карты? — негромко спросил Платов, кивнув на ее планшет. — Проектная документация мостоотряда не включает закрытые горизонты старого метростроя.

Девушка обернулась. В красном свете фонаря ее лицо казалось почти фарфоровым, но в глазах застыла не по годам взрослая, жесткая настороженность.

— Мой отец был главным маркшейдером первой очереди глубокого коллектора, — тихо ответила она, перешагивая через торчащую из пола арматуру. — Когда пять лет назад начались первые прорывы, он первым заметил, что разломы концентрируются не случайно. Они открываются по строгим геометрическим узлам тектонической сетки. Он пытался предупредить мэрию и совет директоров «Эфир-Тек». Сказал, что если не запечатать узлы первого порядка, город разорвет на части через несколько лет. Знаешь, что произошло дальше?

— Догадываюсь, — глухо отозвался Илья. — Несчастный случай на производстве?

— Сердечный приступ в кабинете службы безопасности, — Катя сжала губы в тонкую белую нитку. — А все его расчеты и архивы были объявлены собственностью корпорации и засекречены под грифом высшей коммерческой тайны. Но копии остались у меня. Я пошла в мостоотряд только ради того, чтобы иметь доступ к геодезическим датчикам залива. И сегодня ночью я собственными глазами увидела то, о чем отец писал в своих черновиках. Разломы можно заваривать, Илья. Их можно закрывать навсегда, восстанавливая исходную прочность континуума. И если мы это докажем — вся империя «Эфир-Тек» рухнет как карточный домик.

Она покачала головой, невесело усмехнувшись:

— Обычным инструментом дыры в мироздании не заваривают, Платов. Если корпорация доберется до тебя, они выжмут твои мозги через нейроинтерфейс, чтобы скопировать этот метод. «Эфир-Тек» держится на том, что разломы вечны. Они продают городу защиту от чудовищ, которые сами же и выпускают! Если в городе появится человек, способный запечатывать разрывы наглухо — их монополии конец.

— Значит, сделаем так, чтобы они не добрались, — жестко сказал Илья. Он повернулся к напарнику: — Костя, ты как? Идти сможешь?

Коротков вытер лицо, медленно кивнул и поднялся на ноги.

— Смогу. До Тупика дойду. Лишь бы подальше от этих ублюдков с визорами.

— Тогда двигаем, — Платов перехватил сумку поудобнее. — В Ржавом Тупике у меня есть один старый знакомый. Тимофей Кузьмич. Если кто и сможет помочь перебраться сопло и спрятать нас на пару дней — только он.

ГЛАВА 05. МАСТЕРСКАЯ В РЖАВОМ ТУПИКЕ

Сырой утренний туман в восточной промышленной зоне Северного Хаба пахнул не морем, а кислой серной сажей, вековым мазутом и вьевшейся в кирпич железной окалиной.

Сектор «Ржавый Тупик» полностью оправдывал свое неофициальное название. Когда-то, за полвека до Великого Прорыва и прихода к власти мегакорпораций, здесь гудел крупнейший в регионе судоремонтный и локомотивостроительный кластер. Теперь от бывшего индустриального величия остались лишь километры заброшенных подъездных путей, заросших жухлым

бурыном, скелеты гигантских козловых кранов с оборванными тросами и бесконечные ряды приземистых кирпичных ангаров с выбитыми световыми фонарями на крышах.

Здесь не было вездесущих патрулей «Эфир-Тек». В этих заброшенных трущобах радиочастотный эфир был намертво забит помехами от сотен брошенных силовых подстанций, а под землей тянулись тысячи километров незакартированных коммуникаций, в которых без следа исчезали целые взводы корпоративных наемников.

На перекрестке третьей тупиковой ветки Костя Коротков остановился.

Напарник переделся в найденную в вентиляционном коллекторе старую куртку-штормовку, но его лицо по-прежнему хранило пепельную бледность человека, заглянувшего на самое дно преисподней.

— Илья... я на седьмой разъезд уйду, — тихо произнес Костя, пряча руки в карманы и оглядывая пустынную колею. — У меня там двоюродная сестра живет в частном секторе. Пересижу пару недель, сменю сим-карту и рабочий идентификатор. Корпораты меня вряд ли будут всерьез рыть: для них я просто монтажник из люльки, расходный материал. А вот за тобой Воронин землю носом рыть станет.

Платов крепко, по-мужски сжал ладонь напарника.

— Береги себя, Костя. Если начнут прижимать — бросай все и уходи за внешнюю окружную дорогу. Никому ни слова про Факел.

— Да чтоб мне пусто было, Платов. Я тебя не сдам даже под вивисекцией, — твердо ответил Коротков, развернулся и быстрым шагом растворился в клубящемся сером тумане.

Илья повернулся к спутнице.

Катя стояла рядом, не выпуская из рук геодезический терминал. Ее пальцы быстро бегали по сенсорным клавишам, проверяя эфирный фон сектора.

— Нам туда, — указал Илья на массивный приземистый корпус цеха №14, сложенный из темного дореволюционного кирпича на гранитных фундаментах. — Держись за мной. Старик Кузьмич чужих не жалует, у него на входе могут стоять сюрпризы.

Они пересекли полуразрушенную эстакаду и подошли к тяжелым двустворчатым воротам, обитым листовым железом. На калитке не было ни звонка, ни электронного считывателя. Илья трижды размеренно ударил кованым обухом монтажного молотка по выступающей заклепке: два коротких удара, длинная пауза, один тяжелый.

Прошла минута тишины. Затем за железом щелкнула тяжелая стальная задвижка, в створке приоткрылся узкий смотровой лючок, и в полумраке блеснул круглый ствол крупнокалиберного охотничьего карабина «Медведь», переделанного под кустарные эфирные патроны.

— Кого там черти принесли ни свет ни заря? — проскрипел глухой, хриплый голос, словно кто-то провел напильником по чугунной отливке. — Металлолом не принимаю, корпоративных шестерок стреляю на глухость. Говори пароль или отваливай от ворот.

— Кузьмич, опусти волюну, — спокойно произнес Платов. — Это Платов. С мостоотряда. Пришел поблагодарить за расточку фланцев на ригеле. И привел с собой умную голову с картами.

Ствол карабина дрогнул. За воротами послышался металлический скрежет сразу трех засовов. Калитка с натужным скрипом распахнулась, выпуская их внутрь.

Тимофей Кузьмич выглядел в точности так, как и должен был выглядеть легендарный токарь-универсал старой закалки. Сухопарый, жилистый старик неопределенного возраста — то ли шестьдесят, то ли все семьдесят пять — с седой щеткой жестких усов, пронзительными ястребиными глазами из-под насупленных бровей и руками, кожа на которых от вечной работы с металлом и маслами походила на дубленую воловью броню. Под ногтями старика навсегда въелась несмываемая графитовая стружка, а на плечах висел тяжелый брезентовый фартук со следами окалины.

— Заходи, живо! — буркнул Кузьмич, выглянув в туман и захлопывая калитку. — Платов, мать твою через коромысло! Тебя уже полчаса по всем закрытым частотам полощут! Я дежурный эфирный сканер включил чай погреть, а там корпоративный эфир визжит, как резаная свинья. «Особо опасный нарушитель режима», «блокировать секторы шесть и восемь», «живым или мертвым». Ты что, у генерального директора «Эфир-Тек» золотые запонки из спальни упер, что ли?!

— Хуже, Кузьмич, — Илья с облегчением сбросил на верстак тяжелую брезентовую сумку. — Я на высоте трехсот метров разлом заварил. Прямо перед носом их инспекции.

Старик застыл на середине шага. Его карабин со стуком опустился прикладом на дощатый пол. Челюсть мастера медленно отвисла.

— Чего сделал?.. — переспросил Кузьмич, подозрительно вглядываясь в лицо бригадира. — Заварил? Разлом?! Ты там на верхотуре совсем марганцем обдышался, Платов? Разломы не варят! Это дыры в Небытие, их только армейскими полями сдерживают, чтобы кристаллы граблями грести!

— Он говорит чистую правду, мастер, — подала голос Катя, снимая капюшон и кладя на верстак свой терминал. — Я ведущий аналитик геодезического контроля мостоотряда. Вот телеметрия пилона до и после. Посмотрите на градиент деформации. Напряжение снято полностью. Структура пространства восстановлена.

Кузьмич надел на нос старые очки в проволочной оправе, наклонился к светящемуся экрану и долго, не моргая, всматривался в зеленые графики и топологические эпюры. По мере того как его палец листал страницы логов, седые брови старика ползли все выше на морщинистый лоб.

— Етижи-пассатижи... — наконец выдохнул он благоговейным шепотом. — Чистый шов. Ни миллиметра биения по оси Z. Это же... это же чистый монолит!

Кузьмич налил себе из эмалированного чайника крепкого, черного как отработанное масло чая, бросил туда два куса колотого сахара и шумно отхлебнул из щербатой кружки. Старик окинул взглядом свои владения — закопченные стены цеха, увешанные лекалами, бухтами медной проволоки и микрометрами всех калибров.

— Ты пойми, Илья, в чем главная гниль этих корпоративных чистоплюев, — заговорил старик, и в его голосе зазвучала застарелая, глухая ярость. — Я сорок лет у станка отпахал. Варил корпуса атомных реакторов, точил валы для арктических ледоколов. Мы создавали вещи, которые должны были стоять веками. Металл уважали. А потом пришел Прорыв. И эти выскочки из «Эфир-Тек» решили, что законы физики можно отменить пачкой акций и парой армейских взводов. Они же разломы специально не закрывают! Им выгодно, чтобы город гнил по краям. Есть разлом — есть добыча фиолетовых булыжников, есть сверхприбыли на бирже, есть повод держать в страхе весь Северный Хаб. А то, что в нижних ярусах простые работяги от эфирной чесотки дохнут и детей хоронят — корпоратам до лампочки.

Старик резко повернулся к сумке Ильи:

— Показывай железяку. Живо!

Платов расстегнул ремни и бережно извлек на свет «Эфирный Факел».

В полумраке просторной мастерской, заставленной тяжелыми токарными станками 16K20, фрезерными консолями и муфельными печами, инструмент выглядел потусторонним шедевром. Медный корпус мягко мерцал серебряными прожилками, а керамическое сопло остывало, излучая слабый ультрамариновый ореол.

Кузьмич аккуратно, кончиками пальцев, словно прикасаясь к взведенному детонатору, коснулся сопла. И тут же поморщился:

— Медь плавает, Илья. Видишь эту чешую на срезе? Твоя дуга дает за шесть тысяч градусов, а сопло — стандартная оксидная керамика завода «Красный Факел». Еще две таких

варки — и сопло у тебя стечет на ботинки каплями шлака. Канал закоротит, дуга ударит в рукоять — и от твоей руки останутся одни обугленные кости.

— Я знаю, — кивнул Илья. — Поэтому и пришел к тебе. Нам нужен тугоплавкий металл. Жаропрочный композит, способный держать эфирную плазму.

— Есть у меня кое-что, — прищурился старик, и в его глазах вспыхнул азартный огонек истинного мастера. — Месяц назад сталкеры с нижних горизонтов приволокли кусок обшивки экспериментального суборбитального челнока. Спеченный титано-вольфрамовый композит с присадкой рения. Плотность бешеная, температура плавления за три тысячи четыреста по Цельсию. Обработать его — сущая пытка, резцы горят как спички. Но если выточить сопло из него... это будет вечный инструмент.

— Займись этим, Кузьмич. А мне нужно перевести дух и разобраться с тем, что творится у меня внутри, — произнес Платов.

Пока старик, бормоча под нос отборные слесарные ругательства, подбирал на полках твердосплавные резцы из карбида титана, Илья присел на тяжелый деревянный чурбак возле муфельной печи и закрыл глаза.

Мысленный призыв мгновенно развернул перед его внутренним взором полупрозрачный серебристо-зеленый интерфейс:

[Системный статус оператора:

Имя: Илья Платов

Класс: Пространственный Сшиватель (Ранг 0)

Уровень: 2 (Опыт: 85 / 200)

Запас Эфирной Плазмы: 160 / 160

Предел Прочности: 15

Топологическое Зрение: 19

Термодинамический Контроль: 17

Сопротивление Деформации: 16

Свободные очки характеристик: 2]

Илья глубоко вник в назначение параметров.

«Предел Прочности» отвечал за плотность костей, силу связей и мышечную выносливость. Это была основа выживания на стройке. «Топологическое Зрение» позволяло видеть геометрию разрывов, микротрещины и скрытые дефекты материи.

Но главными для его уникального ремесла являлись два других параметра.

«Термодинамический Контроль» определял стабильность и температуру эфирной дуги, снижая перерасход плазмы. А «Сопротивление Деформации» защищало разум и тело от сокрушительного обратного давления запечатываемого разлома. Если пространство сопротивляется стягиванию, ударная волна стремится расплющить самого сварщика.

— Распределить очки, — мысленно скомандовал Илья. — Одно очко в «Сопротивление Деформации», одно очко в «Термодинамический Контроль».

[Принято. Перераспределение характеристик завершено.]

[Термодинамический Контроль: 17 -> 18]

[Сопротивление Деформации: 16 -> 17]

[Благодаря росту контроля базовый Запас Эфирной Плазмы увеличен: 160 -> 210 единиц.]

В висках приятно пульсировало. Внутренний резервуар энергии словно углубился, превратившись из мелкого пруда в глубокую, спокойную артезианскую скважину.

Следом Илья открыл вкладку доступных навыков. В мерцающем списке горела новая неактивная иконка в виде рассеченного пополам ромба:

[Доступен к освоению классовый навык: «Шовный Резак (Уровень 1)».]

[Описание: Обратная полярность плазменного факела. Оператор концентрирует эфирную плазму в сверхтонкую иглу запредельного давления. Позволяет выполнять прецизионную резку любых физических материалов, брони аномальных существ, а также рассекать паразитные пространственные стяжки и векторы чужих заклинаний.]

[Расход: 5 единиц плазмы в секунду. Скорость реза: до 120 мм/с по легированной стали.]

[Изучить навык? (Да / Нет)]

— Да, — подтвердил Илья.

Перед мысленным взором мгновенно пронеслись сотни уравнений газодинамики, геометрии струи и законов термокинетического разрушения. Навык встроился в его моторику так естественно, словно он всю жизнь только и делал, что резал материю пространства.

Илья мысленно обратился к описанию навыка «Шлаковый Всплеск». Это было не просто защитное заклинание, а полноценный металлургический процесс, перенесенный на квантовый уровень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.